

АНА САКРУ

18+

ЯД

САЛАМАНДРЫ

Элийцы

Ана Сакру
Яд саламандры

«Автор»

2020

Сакру А.

Яд саламандры / А. Сакру — «Автор», 2020 — (Элийцы)

Пальцы до боли сдавливают нежный подбородок, заставляя девчонку посмотреть ему в глаза. Ее зрачки расширяются, поглощая и без того почти черную радужку. Страх, животный страх плещется в глубине. Оливковая кожа холодная, будто на улице стужа, и мурашки ползут по рукам, поднимая тонкие волоски. Она в ужасе. И она из его рода. Это может означать только одно. Губы принца нервно дергаются, обозначая хищную улыбку. Он склоняется к осязанию задрожавшей рабыне и едва слышно шепчет ей на ухо.— Ну привет, моя покойная жена. Давно не виделись. Девушка моргает, чуть покачнувшись. Страх в глазах сменяется безысходностью.— Хан Кинав, эту беру, — Рэм одергивает руку от рабыни, демонстративно вытирая ее о халат. — Помойте и доставьте во дворец. Воняет. За оплатой подойдете к казначею.***Рэм Родэн, наследный принц думал, что его молодая жена погибла в их первую брачную ночь. Но каково же было его удивление, когда он встретил девушку с такой же магией на невольничьем рынке.

Содержание

1. Привет	5
2. Разговор	8
3. Рабыня Кэна	13
4. Наложницы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ана Сакру

Яд саламандры

1. Привет

– Мой принц, – генерал Обзоу влетел в малую столовую и замер на положенном расстоянии.

Быстрый кивок и ожидание разрешения говорить. Обычно между молодым наследником Элийской империи и почтенным генералом, служившим еще его деду, не было условностей, но на официальном завтраке присутствовал в том числе городничий Актаны, старый лис Хесо Шами, а при нем лучше соблюдать приличия. Обзоу молчал, всем своим видом показывая, что не желает говорить при дархане.

– Доброе утро, генерал, – твердые губы Рэма Родэна тронула едва заметная улыбка, – Мне уже передали, что благодаря вам оно именно доброе. Присоединитесь к нам, я хочу узнать все немедленно и из первых уст.

Обзоу в очередной раз выразительно покосился на дархана Шами, и Рэм едва заметно кивнул. При нем. Пусть послушает, как имперская армия справляется с мятежниками, и передаст тому, для кого эта информация будет очень болезненной. Что городничий Хесо это сделает, Рэм не сомневался. За пять лет, которые он был наместником императора в Аркате, он твердо усвоил только одно. Его ненавидели все дарханы без исключения. И все они так или иначе были связаны с джадами Свободы, мятежниками, чинящими беспорядки по всему Аркату. Даже маленький ребенок, не задумываясь, перережет ему глотку, если представится такая возможность. Но Родэн старался ее не предоставлять. Пока что получалось.

Обзоу сел напротив Рэма, рядом с городничим, и несколько секунд следил за рабыней, проворно ставящей перед ним приборы.

– Два дня назад мы наконец достигли в горах Малика Смелого, мой принц.

На бесстрастном лице Родэна не дрогнул ни один мускул, он лишь впился синими глазами в городничего, который начал увлеченно ковырять бобы в своей тарелке.

– Они заняли целую деревню в ущелье. Почти двести бойцов, с ними их женщины, даже дети. Сражение вели неделю. Горная местность, сами понимаете... Но все-таки взяли. У них убитыми сорок восемь, раненых двадцать пять. Это те, что доехали сюда живыми. У нас погибшими двадцать один гвардеец. Раненых пятнадцать. Двое тяжело.

– Малик? – коротко спросил Рэм.

– Убит, мой принц, – генерал не смог скрыть досады.

Родэн тоже недовольно скривился, живой он был бы гораздо полезней. Что ж, его могли и свои прирезать, когда поняли, что дело плохо.

– Все мужчины доставлены в крепость. Сейчас в нижнем ярусе под конвоем. Женщин отправили на невольничий рынок. Будет объявлено, что они получают рабский статус за неповиновение Империи и пособничество к мятежу. Женщин с детьми младше семи лет оставили во дворце и крепости прислугой, как вы приказывали.

– Да, сегодня же базарный день, – пробормотал Рэм, задумавшись. Какая-то мысль вертелась в голове, билась, не давая покоя, но он все не мог ее уловить. Беспокойство, что он упускает что-то важное.

– Женщины, – медленно протянул Родэн, поигрывая столовым ножом, – А среди них были наложницы Малика, или может быть жена?

– Была одна наложница, – Ответил Обоуз после недолгого размышления, – Шипела словно кошка. Пришлось даже связать.

– Хочу познакомиться, – холодная улыбка расцвела на лице принца, – Где она?

– Как и все остальные, на рынке. Может и продали уже. Дикая, но красивая. Сами знаете, здесь таких ценят.

Рэм вскочил из-за стола тут же, сам до конца не понимая, зачем ему нужно увидеть девку Малика. Она конечно может что-то знать о верхнем совете мятежников, но шанс очень мал. Дарханы видели в женщинах лишь способ получения удовольствия и возможность продолжения рода. Ни один дархан не стал бы обсуждать дела со своей наложницей. Но интуиция, которой Родэн привык безоговорочно верить, кричала об обратном. Нужно просто увидеть ее. Этого будет достаточно.

– Значит поедем на рынок, генерал, – кинул Рэм через плечо старику Обоузу, только приступившему к поеданию рыбного пирога, – Прошу простить меня, ханы.

Родэн коротко кивнул городничему, казначею и двум членам городского совета, которые моментально подскочили и ответили глубоким почтенным поклоном чуть ли не до пола.

Генерал тяжело вздохнул, мысленно прощаясь с аппетитным завтраком, и поспешил за своим принцем.

– Принц... Родэн... Элиец....

Стоило Рэму ступить на рынок, как бурлящее жизнью, шумное, потное сборище замерло, а потом пошло тихой шипящей рябью. Толпа расступалась перед ним, образуя живой коридор, головы, обернутые белыми платками, склонялись тем ниже, чем ближе он был к их хозяевам. И тишина. Ни приветственных криков, ни возмущенных возгласов. Напряженное безмолвие, нарушаемое лишь ржанием мулов, криками петухов да шипением в задних рядах: «Элииец». Что змеи, зло подумал Рэм. Ядовитый народ.

– Мы отдали женщин хану Кинаву, – сказал Обоуз, наклоняясь к Родэну, – Его помост в самом конце, за лавками с шелками.

Рэм кивнул и потянул поводья коня вправо. Еще несколько минут плутаний по заполненным улочкам огромного базара, и за поворотом показался помост, на котором стояло с десяток практически обнаженных женщин. Рабские ошейники, пока без гербов хозяина, недвусмысленно сообщали об их плачевном положении. Глаза, устремленные прямо перед собой, пустые, бездушные. Все как одна. Мясо. Торги только начались, раз на помосте были лишь молодые. Рабынь для утех всегда продавали первыми. Толпа мужчин внизу жадно оцупывала масляными взглядами едва прикрытые тела. В Аркате даже оголение руки выше кисти у порядочной женщины считалось позором, так что многие приходили на невольничий рынок и просто посмотреть на юные доступные тела подневольных девушек. Торг шел бойко, крики, сотрясение в воздухе кошельков с монетами, споры между покупателями, даже легкие толчки. Но все это стихло, стоило Рэму приблизиться.

Хан Кинав, первый заметив императорского наследника, чуть не распластался по помосту в подобострастном поклоне.

– Мой принц, какая честь... – торговец замялся, не зная, что дальше сказать и не понимая, чем обязан высокому вниманию. Все знали, что элиец не покупает рабов. Еще один повод презирать пришлого щеголя.

– Это женщины, захваченные в ущелье? Продал уже кого-нибудь? – поинтересовался Родэн, внимательно разглядывая безучастных рабынь.

– Да, мой принц, они. Торги только начались, – Кинав все стоял, склонившись в три погибели для верности.

– Какая из них? – тихо спросил Рэм, наклонившись к Обоузу.

– Я... я не могу сказать. Не разглядывал. Она в платке была, брюнетка, молодая.

– Они все брюнетки, – фыркнул недовольно Рэм, потом повернулся к девушкам и громко спросил.

– Кто из вас шлюха Малика?

Тишина. Все те же взгляды, направленные в пустоту. Ох уж, это местное упрямство. Рэм устало закатил глаза. Каленым железом жги их сейчас, будут только бормотать о смерти во благо Великого Солнца. Хорошо, что он чувствует явную ложь. Спустился с коня и взлетел на помост. Пора быстрее кончать с этим. Солнце уже в зените и печет нещадно. За столько времени, проведенного в этой бездушной пустыне, он так и не привык.

– Ты? – подошел к первой и грубо поднял ее лицо за подбородок, заглядывая в глаза, – Отвечай.

– Нет, – одни губами. Мимолетный взгляд на него. Правда.

– Ты? – подошел к следующей. Не та.

Еще одна и еще. Вереница девушек уже подходила к концу. И одновременно странное волнение росло в груди принца, ускоряя сердцебиение. Он все ближе, он чувствовал это. Но к чему? Рэм и сам не понимал, но уже вычислил нужную. Предпоследняя. Стоит словно изваяние. Черные глаза устремлены в даль. Точно она, но Рэм тянул неожиданно сладкие мгновения, подходя к каждой по очереди и мучая девчонку ожиданием. Наконец остановился напротив забывшей как дышать дарханки.

– Ты, – уже не спросил, утвердил. Дотронулся до упрямо вздернутого лица. И тоже замер, пораженный.

Родэн. Она Родэн! Рэм не мог ошибиться, он безошибочно чувствует свой род. Но как? Как это возможно, черт возьми? Кто она такая? Он никогда ее не видел. Это точно. Есть конечно колдовство, способное поменять внешность до неузнаваемости, но нужна жертва... А ведь жертва была... Была! Неужели...

Пальцы до боли сдавливают нежный подбородок, заставляя девчонку посмотреть ему в глаза. Ее зрачки расширяются, поглощая и без того почти черную радужку. Страх, животный страх плещется в глубине. Оливковая кожа холодная, будто на улице стужа, и мурашки ползут по рукам, поднимая тонкие волоски. Она в ужасе. И она из его рода. Это может означать только одно.

Губы принца нервно дергаются, обозначая хищную улыбку. Он склоняется к осязанию задрожавшей рабыне и едва слышно шепчет ей на ухо.

– Ну привет, моя покойная жена. Давно не виделись.

Девушка моргает, чуть покачнувшись. Страх в глазах сменяется безысходностью.

– Хан Кинав, эту беру, – Рэм отдергивает руку от рабыни, демонстративно вытирая ее о халат, – Помойте и доставьте во дворец. Воняет. За оплатой подойдете к казначею.

Кинав демонстрирует чудеса гибкости, складываясь вдвое перед удаляющимся принцем, практически задев крупным носом колени.

– Уж больно хороша! Хотел за нее десять орлов выручить, мой принц, – заискивающе поет в пол.

– Семь, и помыть не забудь, – Рэм неожиданно смеется, вызвав удивление у всех присутствующих. Они еще никогда не видели элийского принца в хорошем настроении.

2. Разговор

Южная ночь вступала в свои права, даря такую долгожданную прохладу. Из искусственно выращенного сада одуряюще пахло цветущими ночными фиалками и магнолиями. Почти как дома. Если бы не эти звезды с кулак и неестественно черная тьма, плотная, осязаемая, какая бывает только в пустыне. Весь день Рэм не мог сосредоточиться ни на чем, кроме своей неожиданной находки. Рассеянно смотрел перед собой на заседании городского совета. Мимо уха пропускать разговоры посла из Азру за обедом, благо никаких важных вопросов не было.

Ифе.

В другом теле, через пять лет, оборванная, затравленная, в рабском ошейнике. И все же она. Все тот же дух внутри, прорывающийся через выражение бездонных черных глаз. Неукротимый, надменный, злой. Сука. Сколько людей погибло из-за ее упрямства, глупости. Он сам чуть не умер в ту ночь. Вся ее семья... Интересно, она испытывает чувство горького сожаления из-за того, что сделала? Снятся ли ей леденящие душу кошмары, вскакивает ли она с постели, вся в холодном поту? Или же, как обычно, винит пришлых захватчиков, его, как олицетворение имперской власти, не чувствуя ни капли вины за собой? Ненавидеть легче, чем признать свои ошибки. Тем более таким, как она. Ненавидеть его- самый простой путь.

И что с ней делать теперь? Держать поближе, опасаясь каждую секунду, что она возьмет ножик для фруктов и в горло всадит? Отпустить, чтобы опять примкнула к мятежникам? Ведь с одним из них умудрилась даже спать, позоря его род, частью которого она теперь является. Убить и навлечь на себя проклятие, покусившись на члена собственного рода?

Что?

Рэм позвонил в колокольчик, и через секунду на террасе материализовался слуга.

– Позови дону Ранию.

– Слушаюсь, мой принц, – и исчез так же внезапно, как и появился.

Несколько минут томительного ожидания, и дона Рания, старшая дона дворца, которую он привез с собой из Родэн-Арии, предстает перед ним, деловито разглаживая передник.

– Да, мой господин, – она кланяется быстро и устремляет на него пристальный взгляд.

– Сегодня на рынке я купил рабыню... Ее уже доставили? – Рэм рассеянно крутил в руках бокал рубинового мерийского вина.

– Да, мой принц. Привезли еще до обеда, – Рания живо закивала, подтверждая свои слова, – Как раз хотела спросить, что делать то с ней? На кухню распределить или еще куда? Обычно вы...

Рания осеклась, не зная, как принц отреагирует на фразу, что раньше он никогда рабов не покупал.

– На кухню? – повторил Рэм озадаченно. Он и правда не подумал даже, какую роль Ифе будет играть во дворце, если останется. Уж явно не принцессы. Обычной прислуги? А это интересно... Унизительно для нее. Помощница кухарки в своем собственном родовом гнезде. Или поломойка какая-нибудь. Почти так же унизительно, как... Непрошенные картины сегодняшней встречи на секунду промелькнули в голове: черные миндалевидные глаза с поволокой, тонкая ткань, не скрывающая темные соски, зло поджатые губы, безысходность во взгляде, мурашки... Рэм тряхнул головой, прогоняя образ, и снова посмотрел на дону Ранию.

– Сначала я бы хотел просто пообщаться с ней, – ответил холодно, – После дам указания вам.

– Хорошо, мой принц, – Рания поклонилась, понимая, что разговор окончен, – Я распоряжусь, чтобы Мескэнет сейчас же доставили к вам.

– Мескэнет? – Рэм улыбнулся криво. Как мило. Взяла себе такое ёмкое имя. Была «Ифе» – любовь. А стала «судьба».

– Я жду, – махнул рукой, отпуская заторопившуюся дону.

Секунды тянулись медленно, словно растаявшая карамель. Рэм прикрыл глаза, откинув голову и вслушиваясь в ночную тишину. Стрекотание цикад, шелест листвы, шаги... Все ближе. Тяжелые, уверенные охранника и женские, легкие, едва ощутимые. Босые ступни по холодному мрамору. Обувь ей не дали. Интересно, она до сих пор в той еле прикрывающей наготу тряпке, в которой была на помосте на рынке. Почему-то от этой мысли стало неприятно. Он не знал, чье это тело, но все равно не гоже так расхаживать во дворце наместника.

– Мой принц, – грубоватый голос, с акцентом говорящий на общеэлийском.

Родэн повернулся и впился глазами в рабыню, прячущуюся за широкой спиной стражника. Махнул мужчине рукой нетерпеливо, чтобы удалился.

– Выйди за дверь, и чтобы никого рядом, – бросил ему вслед резко. Глаза на секунду полыхнули золотом, наводя полог тишины. Никто. Не должен. Знать.

Ифе, завернутая в простой бежевый халат низшей служанки, босая, не поднимала глаз, увлеченно разглядывая старинный мозаичный пол террасы. Черный локон выбился из-под белого платка, спадая на лицо.

– Присаживайся, – Рэм широким жестом, указал на плетеный стул рядом с собой. Его слабость. Здесь предпочитали подушки. А его это постоянное сидение на полу бесило невероятно.

Девушка на секунду подняла голову, метнув горячий взгляд, но тут же опустила и засе-менила к указанному стулу.

– Вина? – Рэм тянул время, не зная на самом деле с чего начать. Мысли лихорадочно метались в голове, не в силах оформиться в стройный ряд. Эмоциональные порывы владели сознанием, а поддаваться эмоциям Родэн всегда считал не достойным будущего правителя. Нет худших советчиков, чем затронутые чувства. Ифе- несомненно козырь. Вот только как его разыграть? И не придушить ненароком.

Рабыня подняла на него непроницаемый взгляд.

– Мне нельзя вино. Я не замужем.

И тут Рэм подавился, выплеснув из своего бокала половину от неожиданности. Прокашлялся с трудом, вытирая выступившие слезы.

– Ифе... – прохрипел, отдышавшись, – Не смешно, дорогая.

– Я не понимаю, о чем вы, мой принц, – бездумный взгляд, направленный прямо на него, – Вы меня с кем-то путаете. Я- Мескэнет из Бархана. Дочь погонщика верблюдов через пустыню Аша.

– Да, возможно... – Рэм уже полностью пришел в себя и с интересом разглядывал девушку, сидящую перед ним, – Возможно, ты- ее тело. Кстати, выбор одобряю, красивая... Красивее, чем ты была.

Глаза на секунду зло блеснули, но она тут же их опустила, уставившись на свои руки.

– И на вид благородней, – продолжил Рэм забавляясь. Потом вдруг резко добавил, – На меня смотри!

Она тут же вскинула взгляд, выполняя. Губы поджаты в тонкую линию, подбородок вздернут, черные глаза сверкают лихорадочно, не в силах скрыть раздражение хозяйки. Какая неожиданно сладкая игра.

– И так, о чем я? – Родэн снова заговорил тихо, почти ласково.

Вытянул вперед длинные ноги и не долго думая положил их ей прямо на колени. Рабыня громко охнула от возмущения, всплеснув руками, но уже через секунду справилась с собой. Тонкие руки плетью упали вдоль тела, а черные глаза потеряли всякое выражение.

– Какая ирония... – принц сверлил рабыню серыми глазами, доставшимися ему от матери-северянки, – Дочь обычного погонщика имеет внешность более аристократичную, чем шарханиана рода Абу-Кале. Мне всегда твой нос не нравился, – он схватил ее двумя пальцами

за подбородок, повернув голову в профиль, – Как у коршуна. А тут...идеально! И груди не было...

Девушка отпрянула невольно, сжимая полы халата у самой шеи.

– Решила двух зайцев убить, милая? – Рэм подтянул ее кресло к себе до упора и нагнулся к самому уху, щекоча оливковую кожу дыханием, – И меня вдовцом сделать, и похорошеть? Если с первым я не согласен, то второе вполне одобряю.

И все-таки она не выдержала. Зашипела змеей, так что даже мелькнули белые зубки, ноздри затрепетали гневно и черные глаза сузились, мстительно сверкая.

– Тишшш, – да, он знал, что надолго ее не хватит. Откинулся от нее моментально, постукивая пальцами по подлокотнику. Голос зазвучал холодно и по-деловому, – Будь благоразумной, Ифе. Хотя бы первый раз в жизни. От этого разговора зависит твоя дальнейшая судьба. Так что, либо ты спокойно и честно отвечаешь на все мои вопросы, и дальше твоя жизнь будет...

Он замялся на секунду, подбирая правильное определение.

– ...Вполне сносной, – наконец закончил, – Либо...

Серые глаза сверкнули золотом, напоминая ей о том, кто он.

– Либо я превращу ее в ад. И ты все равно сделаешь, как я хочу, только дашь мне возможность всласть позабавиться.

Ее лицо. Бледность, медленно проступающая даже сквозь смуглую кожу, дрожащие веки, поверхностное дыхание. Рэм смотрел во все глаза, безошибочно улавливая сигналы ее животного страха. В груди заворочалось что-то. Темное, древнее, не совсем подвластное ему. Рэм сглотнул, и сам не понимая, что это, почему неожиданно так сладко дразнить ее.

– Я не понимаю, о чем вы, мой принц, – шепчет едва слышно, не желая сдаваться, – Если вы...Вы считаете меня недостойной, повинной в чем-то...Просто убейте. Убейте свою покорную рабу прямо сейчас...

Рэм фыркнул раздраженно.

– И накликать на себя проклятие, убив одного из своего рода? Заманчиво, но нет, – кривая улыбка растянула твердые губы. Серые глаза изучающе обвели тонкую фигурку, укутанную в мешковатый халат, – Нет, милая, ад будет здесь, в этом мире. В этом дворце. И я тебе его лично обеспечу.

Но в ответ все та же тягостная вязкая тишина. Лишь черные миндалевидные глаза мерцают зло, уже не скрываясь. Великий отец, ну за что ему это? Рэм устало вздохнул. Угрозы угрозами, но в реальности он плохо представлял, что может такого уж ужасного ей сделать. И как ни крути, она Родэн. Это все осложняло. Он не в силах был причинить реальный вред члену своего рода. Пусть даже такому. И Ифе конечно знает об этом. Знает и пользуется. Что ж, боль бывает не только и не столько физической. Последний шанс ей.

– Если мы нормально поговорим сейчас и постараемся найти выход, ты сможешь облегчить жизнь своему народу. Предложить лучшее будущее для своей страны...Ты это понимаешь?

Ярко очерченные губы презрительно скривились.

– А разве у меня сейчас есть моя страна, мой принц? Мой народ? – " мой принц" будто выплюнула ему в лицо, – Лишь бесправные вассалы империи, обязанные вам подчиняться, иначе смерть. Да провинция, которую вы доите в своих интересах. Вот и все, что осталось от моего народа и моей страны.

Рэм почувствовал закипающую ярость внутри, сжал подлокотники так, что костяшки побелели. Сделал глубокий вдох-выдох. И почти успокоился.

– И что же хочет с этим сделать маленькая бесправная рабыня Мескэнет? Тихо давиться ненавистью, убирая навоз за лошадьми в конюшнях. Или, может, намывая пол в уборных? – перечисляя варианты Рэм внимательно следил за тем, как бледнеет ее лицо. Он уже решил, что Ифе будет делать то, чего больше всего испугается. Если не образумится конечно.

– Может ей конечно повезет, и она удостоится чести остаться во дворце на женской половине, и будет иногда ублажать принца-наместника вместе с другими наложницами, – Рэм это просто так сказал, но резко замолчал, увидев, как дернулась вся она в немом протесте. Правда? Это самое страшное для тебя, принцесса? Мда... Даже обидно как-то, что его оценили ниже, чем уборку лошадиного дерьма. Ну что ж, будь по-твоему.

– Ты ведь умеешь доставить удовольствие, Мескэнет? – грубоватые пальцы принца поймали ее за упрямо вздернутый подбородок, серые глаза впились в лихорадочно сверкающие черные, – А получать? Малик научил тебя? Не люблю зажатых женщин. С ними до одури скучно.

– Боюсь, вы будете разочарованы, мой принц, – пухлые губы дрожали, словно на грани истерики.

– Не узнаю, пока не попробую, – хмыкнул Рэм и отпрянул от нее так неожиданно, что девушка невольно покачнулась за ним.

– В общем, – Родэн как ни в чем не бывало закинул в рот виноградину, снова переходя на бесстрастный тон, – У нас с тобой всего два варианта. Первый: ты- Ифе, последняя выжившая из рода Абу-Кале, моя законная жена. Ты подробно рассказываешь мне, как оказалась у мятежников и что про них знаешь. Возможно... возможно я даже буду настолько благороден, что позволю тебе занять свое законное место в Аркате, а после и во всей Элии. Все-таки ты наследница древнейшего рода правителей Арката, к тому же стала Родэн в день нашей свадьбы. Я не могу с этим не считаться. Плохо конечно пока представляю, как мы объясним, где тебя носило столько лет и что с лицом, но... Разве кто-то осмелится с нами спорить и задавать лишние вопросы, да, дорогая?

Рэм холодно улыбнулся.

– Зато у тебя будет прекрасный шанс помочь своей стране. Рядом со мной ты сможешь сделать неимоверно больше, чем с мятежниками, прячущимися в горах и ходящими под себя от одного упоминания о войсках Империи.

– Или у вас, мой принц, наконец появится законная власть над Аркатом, имея в женах последнюю из Абу-Кале. Ведь сейчас вы подобной роскошью похвастаться не можете, – улыбка, острая как кинжал, на секунду озарила ее безучастное лицо и тут же исчезла, будто привиделась.

Рэм замолчал, щурясь. Что ж, она права, но на многое ли ты готова, принцесса, чтобы не дать ему эту власть?

– Сила-есть закон, Ифе. Тебе ли не знать? Рано или поздно твои дураки-соотечественники устанут умирать, сопротивляясь Империи. Тем более, что до твоей якобы смерти, Аркат был вполне доволен своим положением. Именно ты своей выходкой заварила междоусобицу, и я лишь предлагаю тебе попытаться все исправить. Но... если не хочешь... Что ж. Тогда, второй вариант. Я признаю, что ты рабыня Мескэнет, и мы хороним Ифе навсегда. Извини, не смогу тебя отпустить, думаю не надо объяснять почему. Так что будешь так же всю жизнь со мной, только без прав и в ошейнике. Осталось решить: наложницей или полемойкой? Ты бы что выбрала, дорогая?

И он замолчал, с интересом смотря на нее, будто и правда давая возможность выбрать. Ифе молчала, с каждой секундой все больше бледнея, боясь выдать себя.

– Отвечай, – Рэм неожиданно дернул ее стул, так что девушка резко покачнулась и охнула от испуга.

– Я...я... Я не сильна в плотских утехах, мой принц, – черные глаза распахнулись, отражая хищную улыбку на его лице, – Я умею ухаживать за лошадьми. Хорошо умею...

Рэм откинулся на стуле, лениво прокручивая фамильный перстень с грифоном на указательном пальце.

– За лошадьми, – протянул, криво улыбаясь, – Значит представишь, что я твой жеребец, Кэна. Мескэнет слишком длинно.

И громко три раза хлопнул в ладоши. Глаза сверкнули золотом и звук эхом побежал по коридору, размноженный магией. На пороге тут же показался стражник, приведший ее сюда.

– Отведи Кэну к доне Рании и скажи, что это моя новая наложница. Пусть подготовят и выделяют дальнюю маленькую комнатку на женской половине. Все ясно?

– Да, мой принц, – охранник поклонился низко и перевел взгляд на рабыню, ожидая, когда она встанет, но девушка словно приросла к стулу. Широко распахнутые глаза уставились на улыбающегося Рэма, рот приоткрылся, нижняя губа подрагивала, силясь возразить.

– Последний шанс... Сейчас, – Родэн сказал это еле слышно, посерьезнев, но получил обратный эффект.

Девушка расправила плечи, лицо опять приняло безучастное выражение. Она грациозно поднялась со стула и низко поклонилась ему, поджимая губы. Миндалевидные глаза смотрели сквозь принца, будто он не в силах задеть ее, достать ее душу из укрытия.

– Подойди, – голос принца прозвучал устало, он потер левый висок, будто у него разболелась голова, – На колени.

Рабыня медленно опустилась у его ног, не отводя глаз. Со стороны ничего необычного. Просто преданная наложница. Но этот морозный взгляд. Словно ядом жалит. Рэм прикоснулся перстнем к ее обручу, и на нем расцвели его личные узоры. Теперь все будут знать, чья она.

– Это чтобы ты не убила меня ненароком, – зашептал проникновенно ей на ухо, – Личный раб ведь не может причинить вред своему хозяину, верно? Как и сбежать.

Девушка вздрогнула от этих слов. Едва ощутимо, но так горько. Она хотела, моментально понял Рэм. И скорее всего и первое, и второе.

Откинулся от нее, хмурясь. И махнул рукой, чтобы уходили. Девушка замерла на секунду на пороге, бросив на него вопросительный испуганный взгляд. Не знает, когда его ждать. Но Рэм не посчитал нужным ответить. Пусть мучает себя тревожным ожиданием.

3. Рабыня Кэна

Ифе торопливо шла впереди охранника по ветвистым сумрачным коридорам. Пути прислуги. О половине из них она даже представления не имела. Да и откуда шарханиане, наследнице солнечного Арката, знать об этих унылых переходах. Ифе Абу-Кале царствовала в парадных покоях дворца, а не пробиралась мышью по узким плохо освещенным тоннелям, боясь оскорбить взор шархана и его семьи. Но то была Ифе, а она- Кэна теперь, даже не Мескэнет. Наместник не хочет утруждать себя произношением длинного имени.

Рабыня Кэна.

Девушка вздрогнула, застыв на секунду, пальцы сами собой потянулись к ошейнику. Узоры принца на нем словно огнем обожгли. Вязь хозяина. Что взбредет в голову Имперскому выродку? Как он сказал? Чтобы она смотрела на него, как на своего жеребца? Кэна слотнула и ускорила шаг, поторапливаемая толчком стражника в лопатки. А сам принц при этом не с желанием смотрел, а скорее с легким пренебрежением. Сколько лет они не виделись, а он ничуть не изменился. Такой же надменный ублюдок, как и был. Может это и спасет ее. Побрезгует рабыней, которую, как он думает, пользовал мятежник.

– Ну что ты еле тащишься, быстрее давай! – и еще один толчок в спину.

Кэна кинула через плечо на охранника задумчивый взгляд. "Или стражникам отдаст, а сам смотреть будет" – мелькнула вдруг дикая мысль в голове. Внутри все скрутило от страха. Нет, тогда бы не поселил на женскую половину, не нанес бы узоры. Личными рабынями не делятся. Сама не заметила, как выдохнула. Если повезет, просто не придет. Запрет ее в комнате и забудет. И, может, удастся придумать что-то... освободиться. Ну а если нет...

Она всегда может убить себя. Теперь по-настоящему. Вот только где бы смелости взять. Кэна уже пыталась, но жажда жизни, необузданная, звериная, бурлила в ней. И пока ты жив, ты не проиграл, верно? Вот бы Родэна в жерло тьмы отправить! Оставить дряхлого Императора без наследника, тогда все было бы не напрасно. Тогда род Абу-Кале будет отомщен, и Драм призовет ее к Солнцу, на котором уже греется вся ее семья. Но магия ошейника не даст...

Или все же есть способ? Во дворце много слуг дарханов и дарханок, как она. А значит, много тайно ненавидящих Империю. Возможно, ей смогут помочь обойти магическое табу ошейника. Тем более, зная, что Кэна была с мятежниками, когда ее поймали, и явно ненавидит наместника. Да и личная рабыня имеет близкий доступ к принцу и много возможностей...

Если он соизволит, конечно.

– Чему ты так улыбаешься, девочка?

Кэна похлопала черными ресницами, возвращаясь в реальность. Надо же, она и не заметила, как оказалась в гостиной женской половины перед доной Раней.

– Рада стать личной рабыней моего принца, госпожа, – Кэна расплылась в еще более лучезарной улыбке и упала на колени перед презренной пришедшей элийкой. И за это ты мне тоже ответишь, наместник. Думая так, кланяться было намного легче.

4. Наложницы

Дона Рания недоверчиво хмыкнула на сомнительное заявление, но ничего не сказала.

– Пошли, покажу твою комнату.

Кэна, так и не поднимая головы, проследовала за ней, рассматривая покои женской половины из-под опущенных ресниц. За пять лет практически ничего не изменилось, разве что пара новых подушек, да тяжелые гардины на узких, уходящих к потолку окнах с ненавистными грифонами. Хищная птица затоптала юркую саламандру. Искоренила из дворца любое напоминание о ней. Даже мозаичный пол везде переложено. Кэна специально подмечала.

В гостиной женской половины, просторной и роскошно декорированной, на сотнях подушек у низкого столика, заставленного вином и фруктами, расположились две девушки в открытых нарядах наложниц. Их подведенные глаза хищно впились в новенькую. Кэна тоже застыла на секунду. Это его девки. Элийки, обе. Так ненавидит ее народ, что даже дарханок в постель не берет. И как смотрят, будто она на их кусок мяса зарится.

«Нужен мне ваш наместник»– Кэна высоко вздернула бровь, выпрямившись, и надменно посмотрела на светлокожих элиек. На женской половине они равны, хоть на девушках и не было рабских ошейников. Свободные, по доброй воле под него ложатся. От этой мысли взгляд Кэны лишь сильнее заледенел, обмораживая нежные лица чужеземок.

– Кэна, это твои сестры теперь, – дона Рания кивнула на скрививших точеные носики наложниц, – Лина.

Тонкая синеглазая блондинка лишь едва заметно склонила голову.

– И Дара, – зеленоглазая брюнетка с удивительной белой кожей и пышными формами презрительно фыркнула, обводя Кэну жгучим взглядом. И демонстративно отвернулась, по видимому не найдя ничего примечательного.

– Чтобы не ругались, наш принц не потерпит, – шикнула на них дона Рания и пошла вглубь женской половины, махнув Кэне, чтобы следовала за ней.

– Наш принц не берет дарханок, – прилетело в спину томным грудным голосом, – Да еще и рабыня. Зачем он ее притащил?

– Вот у него и спросишь, Дара. Если осмелишься, – фыркнула дона Рания в ответ. А Кэна тихо улыбнулась, услышав недовольное шипение за спиной.

Комнатку ей выделили в самом конце длинного, облицованного бирюзовой слюдой коридора. Малехонькую, но светлую и уютную. И явно не предназначенную для встреч с императорским наследником. В таких обычно селят младших дон. А принцу, вроде как, и не к чести в подобной развлекаться. Может, он и не собирается, мелькнуло в голове. Но Кэна усилием воли прогнала слишком сладкую мысль. После надежды больнее разочаровываться.

Огляделась с интересом. Обстановка скромная, но есть все необходимое. Ниша, в стене, прикрытая тяжелой шторой и заменяющая шкаф, толстый мягкий матрас, усланный подушками с грифонами, закрытый прозрачным пологом. Зеркало в полный рост, невысокий круглый обеденный стол. И даже отдельно секретер, тоже низкий, с письменными принадлежностями и парой книг. Кэна подошла, аккуратно перебирая страницы. История завоевания Элии Родэнами. А вторая " О женском послушании". Не смогла сдержать улыбки. Какие тонкие намеки. Не удивилась бы, узнав, что принц лично их сюда принес. Огляделась, не найдя нужной двери.

– А где уборная?

– Для тебя все в банном комплексе, – пояснила Рания, – это комната для низших наложниц. Отдельная ванная не положена.

Кэна кивнула, поджав губы. А эти две курицы наверно в бывших покоях шарханий обитают. Элийские сучки. Но вслух произносит.

– Я бы хотела помыться.

Конечно, ее намывали после рынка, но лишь как служанку. Простое натирание грубой мочалкой в тазу не сравнится с дивным баннным комплексом наложниц.

– Ты бы и так сейчас пошла, – рассмеялась дона Рания, – Тебя в порядок нужно привести, чтобы принц не побрезговал. Так что снимай халат служанки, одевай накидку наложницы. Твоя новая одежда уже висит в нише. И пойдём делать из тебя что-то приемлемое.

– Что именно делать? – Кэна напряглась. Мало ли что приемлемо для наместника.

– Отмоем, масла вотрем, от растительности нужно избавиться. А то волосатая, что обезьяна.

Кэна невольно вцепилась в выбившийся из-под платка локон. Он ее остричь хочет? Что за зверство?

– Да не тут, дурочка, – рассмеялась Рания, а девушка, поняв, мучительно покраснела.

Накидка, которую ей предложили вместо бесформенного, но вполне приличного халата, оказалась цельным куском органзы в один слой с прорезью для головы и закрепленным шнуром на поясе. Никакой другой одежды под низ не предполагалось. Кэна застыла на месте, не в силах сделать и шагу. Просто стояла, нервно закусывая губу и поглядывая на себя в зеркало. Даже если ходить полностью голой, будешь чувствовать себя менее порочно. Тогда ведь окружающие могут решить, что ты просто не в себе. Голый человек жалок при дневном свете, а тут... Она невольно опять покосилась на свое отражение.

– Пойдем, банщицы ждут, – дона Рания будто не замечая ее замешательства, уже открывала дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.